

УСЛОВИЯ И ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НАСИЛИЯ КАК ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ДЕВИАНТНОСТИ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Статья посвящена рассмотрению проблемы насилия в среде несовершеннолетних. Автором выявлены основные условия и причины возникновения насилия как одного из видов девиантного поведения, представлены результаты исследования по заявленной проблеме, проведенного в России и Германии, осуществлен сравнительный анализ состояния насилия в молодежной среде в стране и за рубежом.

Ключевые слова и словосочетания: насилие, девиантность, девиантное поведение, несовершеннолетние. Феномен девиантного поведения в форме применения силы со стороны несовершеннолетних зависит от тех общественных условий, в которых растут молодые люди. Это касается как общей экономической, социальной и политической ситуации, так и специфического социального положения, в котором находятся несовершеннолетние, т. е. их уровня жизни, образования, а также профессиональных и личных перспектив на будущее. Большое значение имеют соответствующие системы ценностей и норм, которые преподносятся молодежи в этих обществах.

В России общественная ситуация представляется во многом как находящаяся на переломном этапе: советская система заменена экономически и политически, ее место должно занять общество, ориентированное по западному об-

разцу на рынок и конкуренцию, а также демократическую политическую систему. Это требование политического и общественного управления не может быть рассмотрено в настоящее время как успешно реализованное. Соответственно велики объективные перемены и неопределенности в жизненных условиях населения, в особенности молодежи.

К тому же политический, экономический и социальный перелом вызвал эрозию норм и ценностей, относящихся к прошлой общественной формации и позволяющих ориентироваться в ней. Это проявляется, в частности, в том, что «старые ценности», такие, как солидарность, личное участие, ответственность за коллектив, а также ориентация на примеры коллективизма, угрожают стать обесцененными и уступить свое место другим, подходящим к новым условиям, по крайней мере пропагандируемым, например индивидуализму. Идеологический перелом осуществляется рука об руку и в зависимости от социального, а также от личного развития членов общества, но может длиться дольше, потому что находящиеся в головах образцы, приобретенные в прошлом, оказываются более живучими, чем те отношения, из-за преодоления и идеологической обработки которых они возникли.

Готовность молодых людей к насилию может быть рассмотрена как стратегия

преодоления существующих в данном обществе претензий и нужд¹. В известной степени в феномене насилия со стороны молодежи общественные противоречия, например, между пропагандируемой необходимостью успеха и реально находящимися в распоряжении средствами для того, чтобы успешно справляться с повседневной жизнью, находятся как под увеличительным стеклом. Очевидно, что исследование опыта насилия несовершеннолетних в современной России представляет собой актуальную задачу, так как описанные выше переломные моменты в общественной системе, без сомнения, находят свое отражение в образе поведения и взглядах молодых людей. С целью разрешения данной проблемы нами был разработан исследовательский проект, постановку вопросов в котором можно сформулировать следующим образом. Какой опыт имеют несовершеннолетние в отношении насилия, будь то жертвы или виновники? Каков их опыт в семье, в их социальном и пространственном окружении? Какие формы проявления молодежного насилия наблюдаются у учащихся? Какие мотивационные механизмы или условия возникновения молодежного насилия по возможности диагностируются?

Для поиска ответов на поставленные вопросы в Волгограде, где сегодня проживает более миллиона человек, были опрошены учащиеся школ в возрасте 14—15 лет по поводу их опыта в отношении насилия в качестве жертвы или виновника, либо и того и другого вместе.

Данное исследование было проведено преподавателями и студентами Волгоградского государственного педагогического университета в сотрудничестве со специалистами Университета г. Мерзебурга (Германия), между которыми на основе

соглашения о сотрудничестве осуществляется постоянный обмен студентами и преподавателями, а также при участии Исследовательского института криминологии Нижней Саксонии (ИИКНС) в Университете Ганновера. Следует также отметить, что в некоторых немецких городах — Гамбурге, Ганновере, Лейпциге и Мюнхене — специалисты ИИКНС провели опросы учащихся по анкетам, аналогичным волгоградским. Это позволяет говорить о том, что полученные данные могут быть соотнесены друг с другом. Таким образом становится возможным сравнение опыта насилия учащихся в России с опытом их сверстников из Германии, что и будет сделано в последующем резюме результатов опроса, причем к данному сравнению привлечены Ганновер как западно-немецкий и Лейпциг как восточно-немецкий город.

Посредством случайного выбора из всех волгоградских школьных классов с учащимися возрастной группы 14—15 лет (около 7 500 чел.) в конечном счете к опросу были привлечены 1864 несовершеннолетних — число выборочного контроля, удовлетворяющее требованию эмпирической достоверности. Из трех типов школ: общеобразовательных средних, лицеев и гимназий — было опрошено соответственно их доле в общем распределении количества учащихся 1 284 (68,9%), 215 (11,5) и 365 (19,6 %) чел. соответственно. Распределение по половому признаку было представлено следующим образом: 44,6 % респондентов составляли юноши, 55,4 % — девушки.

Все несовершеннолетние были опрошены анонимно по анкете, занимающей 25 страниц и касающейся различных сфер их жизни, таких, как семья, школа, домашнее окружение, друзья и т. д. Особенно важным для темы исследования был,

конечно же, их опыт в качестве жертв или виновников различных форм насилия, включая насилие, которое они, возможно, испытали со стороны родителей.

Для того чтобы понять, какое значение имеет угроза насилия в жизненном ощущении у несовершеннолетних по сравнению с другими возможными угрозами, волгоградские учащиеся были опрошены по поводу того, что их заботит и от чего они субъективно чувствуют себя находящимися под угрозой. В анкете им предлагался перечень с 15 возможными рисками, которые они могли засвидетельствовать и от которых чувствовали себя под угрозой высокой (очень) или умеренной (изрядно) степени. В результате страх стать жертвой насилия в школе или со стороны других молодых людей по рангу оказался по сравнению с другими субъективно прочувствованными угрозами на предпоследнем месте. Это состояние совпадает с результатами опроса учащихся в Германии.

Намного большее число волгоградцев чувствуют себя находящимися под угрозой (и во многом их мнение совпадает с мнениями их ровесников из Германии) из-за смерти члена семьи (54,0 % очень, 17,0 % изрядно), загрязнения окружающей среды (34,6 % очень, 36,6 % изрядно), из-за болезни (43,4 % очень, 25,7 % изрядно), а также из-за угрозы не найти место для получения образования (36,1 % очень, 30,9 % изрядно). На шестом месте (у немецких учащихся — на пятом) стоит страх стать жертвой сексуального преступления (31,4 % очень, 21,0 % изрядно; у немецких учащихся — 23,4 и 17,7 % соответственно). Что касается страха, связанного с насилием полового характера, то он находится на много выше, чем все другие формы страха стать жертвой насилия.

При всем сходстве во взвешивании различных угроз немецкими и русскими

несовершеннолетними бросаются в глаза два значительных различия.

Страх перед войной находится у волгоградских молодых людей на четвертом месте: 36,0 % чувствуют ее угрозу в высокой, 30,9 % — в умеренной степени. У молодых людей в Германии страх перед войной стоит лишь на шестом месте, и ему соответствуют показатели: 16,2 % очень, 18,5 % изрядно.

Другое отличие касается страха не получить место в образовательном учреждении или получить в школе плохие оценки. В то время как 31,6 % волгоградских учащихся признают, что чувствуют себя очень сильно, а 28 % — изрядно находящимися под угрозой того, что не получат место для обучения, учащиеся в Германии относятся к этому гораздо спокойнее: соответствующие показатели здесь составляют 24,6 и 31,1 %. Профессиональная неуверенность проявляется сильнее у несовершеннолетних в России, чем в Германии. Иначе это выглядит в отношении отметок: в то время как 12,7 % учащихся в Германии очень, а 27,9 % изрядно боятся получить плохие оценки, у учащихся в России это соотношение составляет 10,7:25,1 %. То, что страх получить плохие отметки и страх не получить учебное место имеют различные показатели в немецко-русском сравнении, возможно, объясняется тем, что в России связь между школьными отметками, с одной стороны, и возможностями для профессионального образования — с другой, еще слабее, чем в Германии. Как хорошие отметки не гарантируют хорошего профессионального будущего, так и относительно плохое окончание школы не означает, что у выпускника не будет шанса успешного вступления в какие-нибудь этапы медленно начинающейся производственной жизни.

Что касается темы насилия со стороны сверстников, то по шкале угроз в ответах несовершеннолетних оно оказывается на последних местах. Тем не менее 7,7 % российских респондентов указывают, что они чувствуют себя находящимися под угрозой насилия в школе в высокой степени, а 14,6 % — в умеренной. В Германии боятся насилия в школе отчетливо меньше учащихся: 6,2 % очень и 9,2 % изрядно. Однако молодые люди в России менее, чем учащиеся в Германии, опасаются быть ограбленными сверстниками. В первом случае соответствующие показатели составляют 5,1 и 16,7 %, во втором — 8,9 и 17,9 %. Этот результат сильно контрастирует с официальными данными, согласно которым в целом в России по сравнению с Германией больший размах имеет материально мотивированное насилие — насильственное похищение материальных ценностей, исходящее от несовершеннолетних.

Обобщая полученные результаты, мы можем констатировать, что страх перед насилием — за исключением страха перед сексуальными преступлениями — не играет большой роли для большинства как немецких, так и русских молодых людей. Однако все-таки 22,3 % волгоградских школьников (в Германии 17,4 %) указывают, что чувствуют себя находящимися под угрозой насилия в школе, и 21,8 % (в Германии 26,8 %) подтверждают, что боятся быть ограбленными другими молодыми людьми. Страх стать жертвой группового насилия играет в жизнеощущении волгоградского несовершеннолетнего немалую роль, хотя и не доминирующую.

То, что в сфере молодежного насилия только по поводу небольшого количества совершенных преступлений поступают заявления со стороны жертв, в Германии, судя по опросам ее жителей, является уже достаточно известным. Нежелание моло-

дых людей идти в полицию (милицию), если они стали жертвами насилия, в России выглядит еще драматичнее. Только 7,2 % опрошенных волгоградцев заявили бы о грабеже, жертвами которого они стали (в Ганновере 25,6, в Лейпциге 25,0), 4,2 — о вымогательстве (в Ганновере 15,0, в Лейпциге 9,7 %), 4,4 % — об увечьях с применением оружия (в Ганновере 17,2, в Лейпциге 13,7 %).

Относительно высокие цифры заявлений в Германии в случае грабежа объясняются кроме всего прочего тем, что условием для решения вопросов, связанных с финансовым возмещением по страховкам, является полицейское уведомление. Тем не менее бросается в глаза экстремально мало выраженная готовность российских несовершеннолетних подавать заявления и по другим формам преступлений. Очевидно, они еще меньше доверяют правоохранительным органам, чем их немецкие ровесники. Молодые люди не ожидают положительных результатов от подачи заявления по поводу направленного против них насильственного поступка, скорее, ждут неприятностей — будь то со стороны полиции или милиции в виде злости, либо со стороны преступника в форме возможной мести. Все это свидетельствует о том, что доверия несовершеннолетних в России и Германии к государственно-правовым органам мало.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что имеются серьезные расхождения между официально заявленными и опубликованными данными о совершенных актах насилия в отношении несовершеннолетних либо несовершеннолетними, с одной стороны, и реально существующим состоянием дел — с другой. На каждое заявленное насилие в отношении несовершеннолетнего прихо-

дится около 20 оставшихся за рамками официальной статистики.

Из общего количества опрошенных несовершеннолетних 13,2 % сообщили о том, что стали жертвами грабежа (в Ганновере 9,9, в Лейпциге 8,5 %). Столь высокому числу жертв с опытом в отношении грабежа противостоит более низкий показатель жертв, заявивших о случаях вымогательства (5,0%), приближающийся в среднем к немецкому (в Ганновере 5,2, в Лейпциге 4,2 %). В случае увечья с применением оружия число самостоятельно сообщивших жертв опускается даже ниже немецкого уровня: 4,6 % учащихся в Волгограде указывают, что стали в течение последних 12 мес. жертвами этой формы насилия (в Ганновере 5,3, в Лейпциге 6,5%). Полученные результаты позволяют говорить о том, что доля жертв несовершеннолетних в России, самостоятельно заявляющих о проступках, несущественно отличается от доли среди их немецких ровесников. Нельзя говорить о драматично более высокой угрозе российскому несовершеннолетнему актами насилия со стороны сверстников, так же как и опровергнуть обратное: роль жертвы насилия и для немецких, и для русских молодых людей представляет реальную опасность или элемент их личностного опыта.

Что касается различных форм насилия, то можно констатировать, что в России преобладают такие формы, цель которых состоит в насильственном присвоении материальных ценностей — в этом смысле в основе лежит скорее всего материально-инструментальная ориентация насилия. В Германии же преобладает другая форма и вместе с тем другая мотивация: здесь проявляется насилие преимущественно надматериально-психологически мотивированное; несовершеннолетние имеют целью в первую оче-

редь переживание чувства власти над другими, чувства превосходства, демонстрацию качеств победителя.

На вопрос о том, какие правонарушения или акты насилия учащиеся совершили в течение последних 12 месяцев 3,9 % российских несовершеннолетних указали, что совершили, как минимум, один грабеж (в Ганновере 2,4, в Лейпциге 3,0%), 2,2 % вымогали у кого-то что-то (в Ганновере 0,8, в Лейпциге 0,7%), 9,2 % нанесли, как минимум, одно увечье (в Ганновере 15,4, в Лейпциге 11,7%). Эти цифры означают, что увечье представляет собой самую распространенную форму насильственного проступка по отношению к другому как в России, так и в Германии. (Самым частым правонарушением является, кстати, как в России, так и в Германии, следование за рулем транспортного средства без водительского удостоверения — примерно 20 %.) С другой стороны, грабеж и вымогательство, т. е. те формы проступков, которые имеют материально-инструментальный мотив, чаще совершаются русскими молодыми людьми, чем их немецкими ровесниками, в то время как мотивация надматериально-психологического характера, которая присутствует в правонарушении увечья, так же как и материально мотивированная причина, в Германии представлена гораздо сильнее, чем в России.

Отвечая на вопрос об активном проявлении насилия, 4,4 % российских несовершеннолетних признались, что применяли насилие однажды (в Ганновере 7,0, в Лейпциге 4,9%); 4,6 % высказались, что использовали силу от 2 до 4 раз (в Ганновере 5,5, в Лейпциге 5,4%), 3,1 % указали, что применяли насилие больше чем 5 раз (в Ганновере 3,6, в Лейпциге 2,5%). Эти цифры в целом показывают, что готовность к насилию у русского молодого человека в среднем ниже, чем у

немецких молодых людей. При этом 12 % волгоградских учащихся указывают, что прибегали к насилию один раз или неоднократно, в то время как в Ганновере это число составляет более 16 %, в Лейпциге — почти 13 %.

Результаты, полученные в ходе проведенного исследования, позволяют сделать некоторые выводы об условиях, причинах зарождения и развития насилия в среде несовершеннолетних как одной из форм проявления девиантного поведения и определить основные направления профилактической и коррекционной работы с

детьми и подростками. Приоритетным направлением в создавшихся условиях является реализация системы социально-экономических, общественно-политических, организационных, правовых и воспитательных мер, осуществляемых государственными органами, общественными организациями на федеральном, региональном и муниципальном уровнях для выяснения, устранения и минимизации условий и причин девиантного поведения несовершеннолетних.

Дата представления статьи: 12.11.2012 г.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. См.: Gloel R. Das Recht auf Siegljugendgewalt und Konkurrenzgesellschaft/ R.Gloel. Sozialmagazin. 1988. №10, S. 9–16.

ԲՈՒՆՈՒԹՅԱՆ ԱՌԱՋԱՅՄԱՆ ՊԱՏՃԱՌՆԵՐՆ ՈՒ ՊԱՅՄԱՆՆԵՐԸ ՈՐՊԵՍ ՇԵՂՎՈՂ
ՎԱՐՔԻ ԴՐՍԵՎՈՐՄԱՆ ՁԵՎԵՐ ԱՆՉԱՓԱՀԱՍՆԵՐԻ ՇՐՋԱՆՈՒՄ

ՍԵՐԳԵՅ ԳՈՒՄՈՎ

*Սոցիոլոգիական գիտությունների դոկտոր,
Վոլգոգրադի պետական մանկավարժական համալսարանի սոցիալական աշխատանքի
ֆակուլտետի պրոֆեսոր*

Հոդվածում դիտարկվում է բռնության հիմնախնդիրը անչափահասների շրջանում, բռնության առաջացման հիմնական պատճառներն ու պայմանները իբրև շեղվող վարքի հիմնական ձևեր: Ներկայացված են նշված հիմնախնդրի ուսումնասիրման արդյունքները Ռուսաստանում և Գերմանիայում: Տրված է երիտասարդների շրջանում բռնության աստիճանների համեմատական վերլուծությունը:

Հոդվածի ներկայացման փաթեթիվը՝ 12.11.2012 թ.

REASONS AND CONDITIONS OF VIOLENCE AS FORMS OF DEVIATIONAL
BEHAVIOUR AMONG TEENAGERS

SERGEY DUMOV

Professor of the Chair of Social Labor, Volgograd State Pedagogical University

The article reveals the problems of violence among teenagers, its main reasons and conditions as basic forms of deviational behavior. Investigation results conducted in Russia and Germany, as well as analogical analyses of youth violence are represented in the article.

Article submission date: 12.11.2012